

Кому первому пришла в голову эта скоропалительная идея: купить, а затем навсегда переехать в этот загородный дом в Правдино? Супругам Крамским уж не вспомнить! Отчего же так необъяснимо тревожно, беспокойно на душе успешной бизнес-леди, примерной жене и матери с редким именем — Филумена? Внезапный приезд пожилых родственников её мужа — Ивана изменил их устоявшуюся жизнь до основания. Дядя Ивана и его жена, к счастью, оказались людьми интеллигентными, тонкими, предупредительными. Чудовищная смерть Матрёны — местной целительницы. Смерть Аллы — подруги, однокурсницы их дочери — Маши. Таинственное исчезновение Ольги — близкой подруги и коллеги, которая приехала погостить в дом Филумены, а также молодой жены местного жителя... Цепь загадочных и жутких преступлений происходит в округе тихого курортного посёлка. Распутать клубок зловещих событий, докопаться до истины назначен следователь прокуратуры по особо важным делам Владимир Пырьев. Ни Иван, ни Филумена не подозревают, в каком доме они поселились. Ещё одна странность. Недалеко от местной реки Мирки за несколько лет образовалось настоящее болото. Феномен природы? В подземном лабиринте, обнаруженном в

собственном доме, Филумена находит человеческие останки детей и взрослых, а также лёгкий шарф Ольги. Филумена даже не подозревает, что жизнь её в буквальном смысле, висит на волоске...

Надежда Лиманская В ЖЕЛЕЗНЫХ ЛАПАХ МОТЫЛЬКА

*Кружит лёгкий Мотылёк в чёрных
лабиринтах духа.*

Что душа моя теперь? Символ Психе?

Символ Духа!

Нам навязана война?

Контроль разума! Она!

*В световых кругах, порхая, мотылёк
летит, не зная, -*

Ангел смерти он теперь!

*Мастер ждёт его дары — собранные
души падших,*

Что в железных лапках наших?

*Пробил час нас всех разрушить,
искромсать,*

Но не обрушить чёрный лабиринт Его,

Смутив разум, превратить кого в ничто?

Человека в Мотылька?

Тягонина на века!

Перспектива — два щелчка:

Мотылёк — Монарх, плюс Мастер!

Твоя личность?

Не смеши!

Не то время? Не скажи!

*Дьявол — в форме, как и прежде, в
сутану закутан он!*

*Ангел в небе?
Легион!
Что? Идея не твоя?
Слышишь шелест? Те же Крылья!
Это крылья Мотылька!
Подчиняйся, раболепствуй, и, не смея
бунтовать,
Мыслить будешь под контролем,
Жить, любить!
И убивать!
Запущу одно лишь слово,
Монарх станет управлять!*

Глава 1

Забившись в угол, несколько пар детских глаз с опаской смотрят на него. Лайковые туфли матово мерцают в полутьме. Шаги отбивают знакомый, несущий ужас звук. Он неторопливо, который час обходит по периметру комнату, где находятся они — мальчики и девочки от пяти до четырнадцати лет. В тонких музыкальных пальцах его цветок. На длинном стебле крупная лохматая голова — белые лепестки ромашки. Обходительный, интеллигентный пожилой человек тепло, обезоруживающе улыбается им. Изредка, кое-кого гладит по голове. С улыбкой глядя в детские лица, отрывая один за другим лепесток, повторяет:
— Люблю тебя! Не люблю тебя!

Дети в ожидании нового кошмара всё теснее жмутся друг к другу. Последний лепесток, словно предупреждение, — оборван, — плавно опускается на пол. Его улыбка гаснет. Взрыв неожиданной жестокости. Пожилой человек, цепко, крепкой рукой вырывает одного из них. Детский крик, почти животный вопль. Интеллигентный пожилой мужчина начинает с удовольствием искусно, умело и злобно мучить, постепенно убивая очередную жертву — невинного ребёнка. Медленно и нарочито, чтобы видели они все, — мальчики и девочки. Это составная часть его программы. Он искренне верит: всё, что происходит в этой комнате — ради великой цели. Ребёнок в его руках — не человек, — кукла, висящая на ниточках, управляемая только им, его властью. Он виртуоз, маг и волшебник. Перед ним — великая цель, итог эксперимента — расщепить, растворить личность на несколько, — абсолютно чуждых, — подчинённых только его воле...

Недовольно, даже с ненавистью, вот уже битый час она бессмысленно рассматривала свою небольшую коллекцию. Уставившись на фигурки животных, олицетворяющих каждый год по восточному китайскому календарю, пыталась развеять тяжёлые мысли. Кролики, мыши, собаки, коты, тигры, собранные за последние шесть лет,

приобретённые в разных странах и городах, отличались качеством исполнения, — удивительно, — их озорные мордочки сейчас не вызывали ничего, кроме тоски и неясного, взявшегося непонятно откуда, тупого раздражения.

Короткая, холодная, совсем незаметная весна пролетела. Снова лето. И эта неотвратимая жара. Беспросветно нависшая над городом, она, подчиняя себе людей, равно как от стужи, заставляет замирать всё вокруг. Где-то читала: вибрации земли в этой части света летом вызывают сонливость, лень и неприсущее активным натурам, вроде неё самой, равнодушие ко всему. Летний зной с самого утра отрывает от дел, вынуждает отсиживаться под кондиционером. Страшно не хочется покидать прохладную квартиру. Возможно, сказывается хлопотная прошлая неделя, а впереди — деньки покруче. Переезд. Дел невпроворот. Представила лишь один шаг в эту плотную завесу летнего марева. Даже озноб прошёл по всему телу. Усталость. От жары, забот. И ещё. Тревога. Очертить, установить, хотя бы её границы. Но, нет! Не получается. Выше сил. Что и говорить, как водится, вся эта канитель, так принято, — молча и безоговорочно, — на её плечах.

Солнечный тонкий луч прорезался через жалюзи, упал на стол. Протянув руку, не глядя,

провела по столешнице. Улыбающиеся мордочки полетели одна за другой в коробку.

— Вот так!

Встала из-за стола. Порылась в карманах лёгкого кардигана, нащупывая пачку сигарет.

Придирчиво осмотрела стены, бросила взгляд на опустевшие полки шкафов, — всего, что было частью их когда-то уютной квартиры. Внезапно навернулись не прошенные слёзы. Поспешила на балкон, налетела на пирамиду коробок и ящиков. Чертыхнулась. Дрожащей от волнения рукой, попыталась открыть раму. Интересно, кому из них первому пришла в голову эта странная, казалось, бредовая идея? Мужу или ей? Не вспомнить. Хотя, всё правильно. Каждому из них нужен простор. «Своя» территория. Задумалась. Она с мужем, взрослая дочь — студентка и ещё эти родственники. Дальние.

Очень пожилые. Откуда-то внезапно свалились на голову. Уголок рта непроизвольно дёрнулся. Стала неприятна самой себе. Что ж поделать, когда-нибудь и она будет старенькой.

— Нет уж! Не заставишь! — Именно такой была реакция ещё каких-то дней десять назад на предложение мужа переехать из бабушкиной квартиры в центре города, что досталась ей по наследству, в дом на окраине, нет, скорее на дальние — дальние выселки.

Немного успокоилась. Вздохнув, погасила окурок в крошечной пепельнице, спрятанной за широким цветочным горшком. Помахала рукой, разгоняя сигаретный дым, заранее зная, — не поможет. Муж и так унюхает. Да и пусть! Она тоже не робот. Вон сколько всего навалилось сразу. Ну, всё, довольно! Уж слишком увлеклась этой проклятой жалостью к себе. Потёрла виски, плавно убрала золотистую прядь со лба. А вот хорошая чашка кофе не помешает! Сидя на кухне, подперев голову рукой, вяло прикидывала:

— Эту рухлядь под названием «мебель» в новый дом не поташу. Купим всё новое. Жалко выбрасывать, но комнату стариков обставлять старой мебелью неудобно, да и некрасиво. Сделав хороший глоток, огляделась, вздохнув, вслух произнесла:

— Кто знает, может и правда, всё к лучшему!

Подумала немного, вспомнив. Откровенно говоря, — призналась себе, — дом понравился. Замечательный дом. Наполовину бревенчатый, как в стародавние времена, наполовину стилизованный современными конструкциями. Со вкусом, очень гармонично. А природа? Просто чудо! А воздух? Чего уж там! Не сравнить!

В десяти метрах от дома — сосновый бор. Приятно удивило и особенно порадовало её, — мало ли как сложатся отношения с новыми членами

семьи, — так это вход в дом. Вернее, целых три входные двери. С разных сторон. Переделывать ничего не надо! Опять же, поиск рабочих и всё остальное легло бы на её плечи. В первый приезд, осматривая дом, услышала: — Собаку заведём! Ты ведь мечтала! Будем жить большой семьёй, — улыбаясь, заявил муж, — вроде вместе, но с преимуществом, видишь, — три входа! Можем неделями их не видеть, — грустно глядя на жену, добавил, — если захочешь!

— Ванюша! — возмущённо воскликнула тогда, прямо взглянув ему в глаза, — не ожидала! Тебя послушать, так я просто эгоистка, изверг какой-то!

— Извини, дорогая, не хотел! Просто, твоё лицо говорит о..., — встретил возмущённый взгляд, — извини, Меня! Ну, правда! — Стал умолять, взял за руку. — Прости, идиота! А? Фимочка!

Фима, Фимочка — так звал её муж и знакомые. Назвать её настоящим сложным церковным именем — Филумена, довольно странным и редким в наше время, ни у кого язык не поворачивался. Иногда муж звал её просто Меня, с ударением на «е». И только в эту минуту вдруг осенило: почему именно Филумена? С какой стати, родители наградили её столь редким именем.

Взгляд упал на жёлтую фарфоровую чашку с лягушонком на ободке. Любимая чашка дочери. Недавно они страшно поругались. Причина — трижды проклятый Филуменой этот самый переезд. В голос, с неожиданно-резкими нападками друг на друга, так ругались впервые. Маша не желала ничего знать, лишь кричала: почему квартиру не оставили ей, была ли необходимость продавать.

— Ведь у вас есть деньги! — аргументировала по-своему Маша. — А я здесь выросла, привыкла! Или я не в счёт? Так, избалованная, мамина дочка, да? Эдакая девочка — студенточка. Вещь, одним словом! Мама, да у тебя сеть салонов. Далеко не дешёвых, кстати, услуг! У отца — консалтинговая фирма, компьютерные услуги... И насколько я поняла, а я, знаешь сама, далеко не дура, даже в жуткий кризис, ваши конторы не простаивали! А учёба? Прикажешь добираться на перекладных часа два или сколько там?!

— До ближайшей станции метро, — Филумена изо всех сил, во что бы то ни стало, пыталась взять себя в руки, — на маршрутке всего минут десять, а там... Ну, Машенька! Совсем, чуть-чуть, немного раньше будешь вставать! К тому же, на своей машине... — Не выдержала. — Забыла, как в пробках торчала?

— Забыла! Да! — огрызнулась Маша. Осколок крошечного бриллианта — пирсинга яростно сверкнула в ноздре. — Всё равно, не понимаю! Рушить все, из-за каких — то там... Мы их даже не знаем!

— Не смей! — медленно покачала головой мать, хотя сама не успела привыкнуть к этой мысли. На душе и так кошки скребли: было тревожно от неопределённости. И, тем не менее, повторила громче: — Не смей так говорить!

Затем, присев на краешек стула, нервно впилась тонкими пальцами в колени, обтянутыми джинсами. Последние десять дней джинсы стали для неё второй кожей. Кроссовки и джинсы. Что и говорить, комфортно, удобно решать вопросы. Все. За всех! Опустила голову.

— Да пойми ты! Машка! Неужели не видишь? Мне самой тошно! Нелегко мне! Понимаешь?! Но отца твоего я поддерживу, потому, как... — Не договорила. Твёрдо глянула на дочь.

— Хорошо, ладно! Осенью, в начале курса, я переселюсь в общагу, к своим! — услышала язвительное. Дочь выбежала из комнаты.

— Через мой труп! — закричала вслед мать.

Маша вскоре появилась, чуть сутулясь, подняла лицо, жалобно взглянула на мать:

— Ну, признайся, мам, это несправедливо!

— Ты удивишься, — задумчиво проговорила Филумена, протянув к ней руку, чтобы обнять, — но мне кажется, всё, что не делается, — к лучшему! Правда! Зря ты думаешь, — осеклась, — мы с папой давно хотели перебраться куда-нибудь на природу, но всё как-то дела, дела. А тут такое предложение. Кстати, твой хронический бронхит. Я уверена, что...

Раздался звонок. Филумена вскочила, подбежала к двери. Маша услышала звук открывающихся замков. Снова дверь захлопнулась.

— Телеграмма! — Чуть улыбнулась мать. — Через неделю приезжают наши э... Видишь, какие деликатные люди! За неделю предупреждают о приезде!

— Ещё бы, ясный перец! Хотят понравиться! Больше, чем уверена, — не парься, — папа, вряд ли и сам точно знает, кем они ему приходится! Короче, готовься! Встречай дорогих гостей, мамуль!

Услышав от дочери несвойственную той словечки, а также иронию в голосе, нахмурилась.

— О, Господи, Маша!

— Да шучу я! Уж и покривляться нельзя, — засмеялась дочь. — Не обижайся! Давай лучше, — встала, потянулась к полке, — как ты всегда делаешь! На!

Маша положила перед ней лист бумаги:

— Расписывай по пунктам «что» и «как» сделать, а я «подсоблю»!

Маша снова хмыкнула. Они улыбнулись друг другу. Когда расписали все дела и покупки, Филумена мягко обратилась к дочери:

— Маня, ты и, правда, права. И если хочешь жить самостоятельно, или всё же...

Девушка обняла мать и весело произнесла:

— «Или», конечно, «или»! Просто, у нас на курсе, ну, ты знаешь много ребят из других городов. — Чмокнула мать в щёку. — Так вот, я сообщила им, что переезжаем, они...

— Вот оно что! Боже мой, какая же ты маленькая ещё!

— Ты знаешь, мамуль, я тоже попробовала. Ну, как ты, все дела расписывать по «пунктикам». Хотя бы один день. Сама удивилась.

— И как успехи?

— Представляешь, работает!

Отставив чашку с недопитым кофе, Филумена с изумлением поймала себя на мысли: множество вопросов, по-прежнему, без ответа, блуждают вокруг этого самого переезда. Ко всему прочему, эти слова дочери, будто подтверждение её мыслей. Маша права. Ведь и она столько времени боялась, наконец, признаться себе, мучаясь вопросом: кто они такие, эти родственники, ради которых Иван

готов пойти на такие жертвы? А сколько хлопот ещё предстоит?

Взглянула на часы, пора бежать.

Когда Филумена выбежала из подъезда, с удивлением обнаружила, — закапал редкий дождь. С надеждой глянула на небо. Так хотелось прохладной свежести. Ничего не произошло. Ещё каких-то две-три минуты, и собранные ветром дождевые облака так же внезапно рассеялись, как и появились, беспощадный солнечный свет, и марево снова обрушились на землю.

Плавню выехала со двора, в уме не переставая подсчитывать, сколько ещё времени и денег уйдёт на обустройство их нового места жительства. Испуг и паника по поводу новых перемен давно прошли. Слава богу, и с Машей удалось прийти, как говорится, к общему консенсусу.

Глава 2

Филумена, вдруг, сама удивилась внезапному настойчивому желанию съездить в тот самый дом. Ещё ранним утром планировала совершить шопинг по мебельным магазинам, строительным супермаркетам. Только представив всё это, застонала. Суета, толпы раздражённых, взмыленных от жары, людей. А вот дом! За городом! В общем, призналась себе, — совсем

неплохая идея. Побродить по дому, в очередной раз осмотреться. Подумать, что упущено, чего не хватает, всё ли она, как хозяйка «поместья», предусмотрела. В конце концов, везде сама, всё сама. А там! Там природа! Глотну свежего воздуха, отдохну немного. Взглянула на светофор, затем по сторонам. Вот этого мне и не хватало! Поток автомобилей стал неотвратимо уплотняться. Опустила стекло, высунув голову, посмотрела вперёд. Ничего себе! Попала? Лентяйка! Всё утро себя жалела! Выехала бы раньше, наверняка, проскочила, а теперь? Усмехнулась, подтрунивая над собой: — Вот «бы», да «кабы»! — Услышала резкий сигнал сзади. И снова удивилась. Вокруг образовалось пространство. Казалось, недвижимый поток автомобилей встал надолго, а тут. Пришлось прибавить скорость, чтобы догнать по своему ряду последнюю машину. Ещё двести метров. Наконец, полный прорыв. Филумена понеслась по трассе. Свернула на дорогу, с обеих сторон которую, обступил густой лес. Отключив кондиционер, опустила стекло. Лесная свежесть ворвалась в салон. Не выдержала. Выйдя из машины, с удовольствием расправила спину, вытянула руки, разминая шею, покрутила головой. Осмотрелась. Вдали, сквозь чашу виднелись дома. Среди них находилось и её новое пристанище.

Внезапно кусты зашевелились. Показалась тёмная, ниже среднего роста, фигура. Сложно было определить: мужчина это или женщина. На человеке был мокрый плащ цвета хаки с капюшоном, охотничьи резиновые сапоги, в руках большая корзина. Выходя на дорогу через кусты, фигура собрала на себя всю густую влагу с кустарников и листьев высоких трав. Только сейчас Филумена поняла: здешним жителям повезло больше, нежели городским. Сырые деревьям, кусты, а главное — свежая лесная прохлада, — чувствовалось — природа умылась густым, проливным дождём. Потому так остро — пронзительно в воздухе стоял пряный аромат листвы и полевых трав.

Фигура приблизилась. Из-под капюшона выглядывал клетчатый платочек.

— Доброго дня! — улыбнулась незнакомка, сняв капюшон, притопнула, стряхнула остатки воды. Поправляя платок, пожилая женщина обратила к Филумене ясный пристальный взгляд. Смуглое приятное лицо прорезали мелкие морщинки. Филумена не смогла сдержаться, улыбнулась в ответ.

— На отдых, дочка? — спросила женщина. Филумена неопределённо кивнула головой. Затем, неожиданно для себя, добавила: — Собираемся вот,

перебраться всей семьёй, окончательно. — Показала рукой. — Во-о-н! В тот дом!

Лицо незнакомки стало серьёзным, улыбка сошла, опустив глаза, произнесла:

— Хороший дом, что и говорить! Да вот... Из города? Сюда? Не забоялись? Хотя, говорят, десять минут лёту, — кивнула на машину, — и центр города!

— Конечно, не десять, но не так уж далеко! Вы правы! — повеселела Филумена.

— А вот, ежели молочка там, картошечки, зелени, милости прошу! Живу я от вашего дома в противоположной стороне, изба моя на самом краю!

Филумена непроизвольно заглянула в корзину. Ни грибов, ни ягод. Какие-то корешки, вязанки травы.

— Да не грибница я! Травница! — засмеялась женщина. — Ну, да ладно! Будем знакомы! Матрёна Яковлевна я! Меня здесь все знают! А вы, барышня?

— Филумена!

— Вот это имечко! — чему-то обрадовалась женщина. — А ты, дочка, крещёная будешь? — Строго посмотрела в лицо.

Филумена замялась в ответ. Стоило ли признаваться незнакомому человеку — к этой мысли, о крещении, — она пришла в зрелом

возрасте. Да и в церковь стала ходить лишь года три назад.

— Можешь не говорить. Вижу! Всё равно, молодец!

О чём-то подумав, Филумена, стесняясь, всё же спросила: — Могу ли я прямо сейчас купить у вас немного молока? — Растерянно оглянулась. — Только, во что? Заодно подвезу вас!

— А давай! Ко мне! Не переживай, Фенюшка! — Женщина улыбнулась. — Можно тебя так звать? А молоко куда? — улыбнулась. — Да у меня чего только не найдётся! И баночка тоже!

«Вот те раз! — усмехнулась про себя Филумена, — с лёгкой руки незнакомки, теперь ещё и Фенюшка!». Ехать пришлось совсем немного. Благо, что, наконец, как сообщила Матрёна Яковлевна, к их небольшому поселению, — «то ли пригороду, то ли посёлку», — проложили хорошую дорогу. Ведь в особняки, что строились здесь быстрыми темпами, надо было подвозить стройматериалы, да и сами хозяева этих «замков», вроде как, по слухам, стали инвесторами строительства этой самой дороги. Кто ж не захочет в собственные владения добираться с комфортом.

На противоположной стороне поселения, считавшегося когда-то дачным, расположились старые, обычные избы местных жителей. На самом краю, прямо возле леса одиноко стояла аккуратная

изба Матрёны Яковлевны, рядом небольшой сарайчик. Оттуда доносилось голодное мычание. — Проходи, располагайся, дочка! — Хозяйка отрыла дверь ключом, достав его из-под половика у двери. Филумена шагнула внутрь. Мощный аромат сухих трав, пряный, странным образом соединивший и горечь, и сладость, слегка закружил голову. Пучки всевозможных трав были развешены под самым потолком. Особый, лесной запах и чистота двух небольших комнат поразили её. — Присаживайся к столу, — хозяйка кивнула на стул. — Сейчас я! Чайку попьём, чуть отдохнём, а там я и молочка налью, и травы свои соберу для тебя, чтобы голова не болела, чтобы спалось хорошо! Согласна? — Матрёна Яковлевна засуетилась, куда-то выбежала.

Филумена осмотрелась. Чувство покоя, умиротворения тихо подкралось, разлилось по всему телу. Умиротворение. Старое, хорошо забытое слово.

В очередной раз за день, гостья удивилась, заметив микроволновую печь на полке, электрочайник. Вдруг что-то мягкое и тёплое коснулось ног. Взгляд Филумены упал вниз. Пушистый рыжий кот пытался устроиться у неё в ногах. Провела рукой по шёрстке.

— А ну, Баюн, брысь! — нарочито грозно пыталась прогнать Матрёна. Потом

ухмыльнулась. — Чуть свет поднялась, и в лес. Сейчас корову подою, да и кота покормить надо.

Включив чайник, Матрёна Яковлевна сунула в микроволновку что-то в прозрачной кастрюльке.

— Пироги вчера пекла, разогрею, чтобы тёплые, — стала объяснять, затем снова пристально взглянула на гостью. — Года два назад внук из города привёз всю эту радость. Электричество, слава тебе богу, теперь постоянно подают, а раньше, — махнула рукой, вздохнула. — Нашим, местным не понравилось, конечно, поначалу, что развезли тут стройку эту, окаянную! А потом и дорога тебе, и всё остальное. Маршрутки, вон, ходят! Наверное, для прислуги ихней! Помещиков этих новоявленных! — спохватилась. — Ой, простите за язык мой, совсем уж я... Раньше-то, из достопримечательностей, только дом этот, профессорский, который вы купили, и стоял-то здесь, в посёлке нашем! А теперь вон, понастроили замков, ещё немного и пригородом столичным станем!

Филумена почти не слушала женщину. Все эти запахи, звуки отчего-то всколыхнули память. Умиротворение. Жизнь, казалось, выбросила из памяти значение этого слова, да и само слово. А запахи из прошлого попали сюда, в будущее, вот так, случайно, соединив собой время, неожиданно

пробудив воспоминания. Приезд к бабушке, когда ей было всего шесть лет. Вот почему, войдя сюда, так тревожно и сладко забилося сердце. Запах трав, особой, деревенской чистоты, скоблёного пола. Внезапно, обоняние присоединило, вырвав из памяти, аромат свежееиспечённого хлеба. Бабушка пекла его в русской печи. Такой печи, жаль, у Матрёны не было.

Неожиданно стали слипаться глаза. Матрёна, поставив на стол молоко, взяла её за плечи, приговаривая:

— Давай, детка, вот сюда! Поспи! Устала, заездили тебя, бедную!

Филумена пыталась сопротивляться, стряхнуть дрёму. Напрасно. Всё поплыло кругом. Последние крупички сознания, казалось, с удовольствием таяли. Тёплая, воздушная пелена захватила, настойчиво обволакивая, погрузила, наконец, в неожиданно сладкий глубокий сон.

Раздался грохот. Филумена резко вскочила. Неловко чувствуя себя, огляделась вокруг, с трудом соображая, где она? Вспомнила. Хозяйский рыжий кот, сидя на столе, изогнул спину. Затем настороженно, не моргая, какое-то время смотрел на неё жёлто — зелёными глазами. Его усы были испачканы чем-то белым. Довольно мурлыкая, продолжил на миг прерванное занятие: ещё активнее принялся облизывать лапы. Филумена

увидела на полу керамическую миску с расплётанными остатками творога и сметаны.

— Ах, ты ж, паразит! — Влетев в комнату, воскликнула Матрёна Яковлевна. Видимо, услышав грохот. — Негодник, ишь, что натворил! И человека хорошего разбудил!

Хозяйка повернула голову к Филумене: — Извини, Фенюшка! Проказник! Сил нет! — Затем с участием: — Немного отдохнула? А я собрала тебе и молочка, и вот!

При этом развернула бумажный кулёк: — На ночь заваривай, как чай! Вижу, женщина ты серьёзная! Как теперь говорят, деловая! А здоровье, всё одно! Следить надо! Особенно нервы, ох, их беречь-то особенно надо!

Присев напротив, Матрёна Яковлевна, неожиданно глубоко вздохнула, посмотрела гостю в лицо.

— Солнце заходит! Может, останешься? Поговорим, почаёвничаем?

Филумена тревожно глянула в окно. Достала из кармана мобильный телефон. Панель высветила время.

— Вот это я... Господи! Нет! Нет! Спасибо вам! Пора мне!

— Ну и ладно! Езжай с богом! — кивнула хозяйка. — А кто там, что говорить тебе будет, байки разные выдумывать, не слушай!

Филумена равнодушно пожала плечами: о чём это она? Не до этого. Чувствовала себя в этот миг себя круглой идиоткой. Виновной, безответственной и глупой бабой. Одна мысль сверлила мозг. Ну, как? Как она могла вот так просто уехать, никого не предупредив.

Водрузив в машине между спинкой переднего и задним сиденьем дары травницы Матрёны, пыталась дозвониться своим.

— Не отвечают? — туже повязав платок, с участием спросила женщина. — Не переживай! Звони ещё! SMS-ки попробуй, разошли!

Филумена обескуражено уставилась на Матрёну. И то, правда! Отстучала сообщения, опустив голову, Филумена прислонилась к открытой дверце автомобиля. Расстроенная, потерянная, дожидалась сигнала. Прошло ещё несколько минут, зазвучала знакомая мелодия.

— Ты где, Меня? — услышала голос мужа. В ответ на объяснения, неожиданно воскликнул, не обижаясь:

— Повезло тебе! Ты на воздухе! А я вот в пробке торчу! Хочешь остаться? Переночевать? Ну — у, ты хоть знаешь, как включить в доме свет? Воду? Помнишь? Ты не одна? А кто с тобой? — Последний вопрос прозвучал несколько напряжённо. Филумена в ответ хмыкнула. Иван,

перекрикивая какой-то шум, громко сообщил: — Подскочу часикам к двум, трём дня! Годится?

Затем, как поняла Филумена, на дороге произошли существенные изменения, бодрый голос мужа продолжил: — Привезу продукты! Кстати, а ты? В доме ничего съестного!

— Не переживай, Ванюша! У меня всё есть! Даже свежее молоко, творог и сметана.

Снова напряжённое: — Откуда? — Молчание. — Хотя! Девушка ты у меня деятельная. — Затем короткая пауза. И снова: — Хорошо тебе! Счастливая ты, мать! Завидую, ей богу!

Прощаясь, супруги послали друг другу словесные поцелуи. Филумена взглянула на свою новую знакомую. Матрёна Яковлевна, прикрывая рот, усиленно пыталась спрятать усмешку в концы светлого платочка.

Филумена задумчиво ещё раз взглянула на женщину.

— Не хотите составить компанию? Что-то такое вы мне сказали напоследок? Я невнимательно слушала, извините!

— Зовёшь меня в свой дом? — вместо ответа, кивнула куда-то вдаль Матрёна. Поджала губы. Потопталась на месте, о чём-то подумала. Неожиданно обронила:

— Прямо сейчас? Ну, давай, попробуем! Только вот кое-что прихвачу.

Филумена заметила, как Матрёна Яковлевна поспешно заворачивала в платок уже на ходу увесистую икону. Женщина, усевшись на переднее сиденье, рядом, вытащила из подмышки тугой свёрток. Развернула его на коленях, — Филумена удивилась в очередной раз, увидев тонкие, тёмно-жёлтые свечи, — такие продают в православных храмах. Матрёна стала быстро их перебирать, подсчитывая количество.

Филумена озадаченно воскликнула: — А это зачем? В доме есть электричество!

Матрёна в ответ, поджав губы, дёрнула головой:

— Хочешь, — выразительно произнесла травница, — чтобы я с тобой поехала? Тогда знай, без этого, — едва коснулась оклада иконы, собрав в горсть свечи для пущей убедительности, подняла руку, — в твой дом — ни ногой!

Глава 3

Автомобиль подъехал к кирпичной стене, загораживающей усадьбу от чужих глаз. Филумена вышла из машины, помогла выбраться Матрёне.

Та проворчала: — Иди первая! Что-то боязно мне!

В ответ Филумена усмехнулась, открыв багажник, немного повозившись, достала фонарик. Захватила сумку и направилась к дому. Красно-оранжевые блики заходящего солнца, весело отсвечивая окна пустующего дома, обещали на завтра немилосердную жару. Филумена, вдруг, ощутила, окончательно поняла: как здорово, что она оказалась здесь. Сумбурно принятое решение навестить будущее жилище, оказалось не таким уж легкомысленным. Кстати, заодно посмотреть, как справилась бригада строителей, — маленькая, всего три человека, — с частичным, элементарным ремонтом.

Бригаду тоже притащила сюда она, Филумена, несмотря на протесты мужа. Иван искренне настаивал: здание прекрасное, внутренняя отделка не требует переделки. И всё же. Ей хотелось иного. На первых порах, хотя бы, ну, чуть-чуть, внести что-то своё, касающееся только их семьи, очень личное, индивидуальное. Например, захотелось поменять обои, портьеры. Хотя бы в их, с Иваном, спальне, а заодно и в комнате дочери. Пришла в голову мысль соорудить из крупных камней в зале нечто вроде горки, для фонтана и цветов. Нет, Филумена не любила цветы. Ей нравились растения. Зелёные, с блестящими упругими листьями, они заполняли всю прежнюю квартиру.

Бригаду из трёх человек рекомендовала хорошая знакомая. «Господи! — подумала она, глядя на фонтан, цветы, — и всё это я провернула за какую-то неделю! Ну и ладно! Вместо памятника, которого при жизни ни от кого не дождёшься, устрою себе уикенд! Здесь! На лоне природы, на свежем воздухе!».

Держа фонарик во рту, открыла дверь. Оглянулась назад Матрёна Яковлевна по-прежнему стояла за оградой. Филумена махнула рукой. Женщина явно не спешила. Филумена заметила, как та перекрестилась, медленно подошла к крыльцу. Снова перекрестилась, шепча что-то под нос. Наконец, у входной двери развернула икону. Держа её перед собой, переступила порог.

— Помоги! — затем шёпотом произнесла и показала на свёрток. Филумена развернула, достала свечи.

— Ну, вы пока здесь побудьте, а я спущусь в подвал. Без света, без воды... Не так уж весело, согласитесь!

— Стой! — строго окликнула её Матрёна, потом мягче: — погоди, Фенюшка! Постой рядом, успеется! — Затем, держа в одной руке икону, в другой — свечу, Матрёна стала обходить одну комнату за другой. Филумена терпеливо ждала, недоумённо глядя на отдаляющийся свет. Свет зажжённой свечи плыл всё дальше в глубину дома,

наконец, померк вовсе. Голос же Матрёны, громко читавшей заклинания, был слышен отчётливо. Затем послышались слова молитвы. Они, ударяясь о стены дома, словно приобретая новую силу, заполняли каждый угол, эхом разносились по всему дому.

Филумена, выключив фонарь, тихо стояла, прислушиваясь к темноте. Наконец, на лестнице замаячил тусклый свет, появилась сама Матрёна Яковлевна.

— Ну, кажется, всё! Иди, детка, куда ты там хотела!

Была у Филумены мысль пригласить сюда священника. После переезда и окончательного устройства в этом доме. Как там говаривала её знакомая? Как только разгрёбусь с делами, так сразу и... А тут.

— Матрёна Яковлевна! А разве это не дело священника? Вы только что окрестили наш дом? — В тусклом пламени свечи Филумена заметила, как женщина недовольно поджала губы: — Считаешь нужным? И священника тоже пригласи! Чего уж говорить, дело хорошее! А я твой дом почистила, поняла? От нечисти разной!

Филумена промолчала. Зажгла фонарик, спустилась в подвал. Осветив просторное помещение, заметила у стены свёрнутые матрацы, какие-то сумки. «Неужели строители так всё

бросили? Да и бог с ним, пусть стоят, не мешают». Немного повозившись с рычажками, убедилась: свет есть. Подвал осветили две неоновые лампы.

— Замечательно! — воскликнула, зажмурившись. В огромном бойлере что-то щёлкнуло. Автоматически нагреваясь, вода побежала по трубам. Её весёлый звук окончательно успокоил Филумену — А дом-то, не узнать! — услышала восхищённый возглас Матрёны, когда поднялась наверх. — Всё переделано! По-современному! И вода, смотри-ка, горячая есть! — Затем Матрёна заварила травы. К счастью, самой разной посуды в шкафах оказалось достаточно. И что бы мы все без меня делали? — спросила себя Филумена, вспомнив возмущение мужа, когда в первый раз они ехали сюда, осматривать дом. В тот день Ванюша, кивая на ящик с посудой, который она собиралась засунуть в багажник, удивился: — А это куда? Ты что, Меня, прямо сейчас там жить собираешься?

Только сейчас Филумена почувствовала, насколько проголодалась. Матрёна придвинула ей тарелку, на которой аппетитно возвышалась горка белоснежного творога, политого сметаной. Затем осторожно, чтобы не пролить, гостья наполнила высокий бокал молоком.

— Угощайся! — проговорила травница. Затем, будто спохватившись: — Ой! Так это я у тебя в гостях!

Женщины рассмеялись.

— Что-то, вроде новоселья получилось! — констатировала Матрёна Яковлевна. Затем, подойдя к иконе, прислонённой к верхней части кухонного шкафа, провела краешком платка по окладу. — А это от меня! — Не взирая на протесты Филумены, продолжала. — Повесишь в спальне. Хорошая вещь, старинная! От всего дурного убережёт!

Глава 4

— Матрёна Яковлевна! Признайтесь, наконец. Вижу, всё вокруг, да около. О какой-то нечисти, неприятностях говорите. Извините, но весь вечер, как вас встретила, только и слышно. Всё намёки, какие — то! — С досадой, не выдержав, воскликнула Филумена.

— Ладно, девонька, успокойся! Много говорить не стану. Поздно уж, но кое-что расскажу.

Филумена внимательно слушала. Когда-то давно, ещё после войны, поселился в этом доме профессор, академик. Получив Сталинскую премию, а заодно и ключи от этого самого дома, бывшей помещичьей усадьбы. Неплохой был человек. Все его уважали, но немного побаивались.

Со странностями был. То здороваётся, всем улыбается, а то замкнётся в себе, смотрит на всех зверем, ссутулится и молчит. Слухи ходили об этой странной усадьбе. Страшные. К тому же, дети и молодые женщины стали пропадать в районе. И войне конец, а тут. — А знаешь, Фима, — обратилась к Филумене, переводя разговор, как показалось, в другое русло, — что за лесом? Дальше? — Махнула рукой. — Глупость спросила, извини! Откуда же тебе знать, нечего и спрашивать! Речка течёт. Мирка называется. От слова «мир». Ребятня там летом купается, рыбаков много. Рыбные, говорят, места. Мосточки там. Чуть поодаль — болото! Не было его раньше! Всю жизнь здесь прожила! А вот старушка одна, царство ей небесное, в прошлом году скончалась. Девяносто восемь ей было, представляешь? Так вот, она рассказывала, после каких-то там учений, образовалось, вдруг, второе болото. А в доме этом, — Матрёна слегка постучала по столешнице, — говорили, какая-то лаборатория находилась. Никто из местных никогда не видел людей. Как заходили — выходили, но машины подъезжали, якобы, всегда поздней ночью, а с рассветом, рано утром, отъезжали. — Из рассказа Филумена узнала ещё и о том, что здешние жители предполагали: не зря поселился здесь этот профессор.

С удивлением узнала Филумена другое. Оказалось, Матрёна в прошлом была фельдшером, довольно толковым. Вовсю использовала народную медицину. И досматривала некоторое время профессора, когда того внезапно разбил инсульт.

— Был он не одинок! — продолжала она, — сын у него был. О жене ничего не знаю. А сына Николаем звали. Чуть старше меня. Очень любил его профессор, поздний, желанный ребёнок. Милый такой паренёк, а красавец! Весь в отца! Интеллигентный такой и вообще! — Будто спохватилась. — Да и я. Тогда молоденькая, приткая. Нравилась я ему очень. Да и профессор, отец его, жаловал меня, как дочь. Уж очень жалко мне было их обоих. Всякое о них говорили прямо здесь, в доме, а я не верила! — Матрёна улыбнулась каким-то своим воспоминаниям. — А потом Коленька исчез, странно так. — Женщина прикрыла глаза, — мне тогда было... А Николаю этому было бы сейчас где-то...

— Да и бог с ним! А дальше? — Филумена нетерпеливо подпёрла кулачком подбородок.

— Дальше? Почти подняла я, профессора нашего, Акима Венедиктовича. Вначале стал ложку сам брать в руки, чашку. Поднимался уж, маленько ходить начал...

Затем Матрёна явно занервничала. Некстати поправила платок, одёрнула складки на юбке. —

Ушла я из этого дома! Не смогла дальше находиться здесь. С тех пор и в церковь стала чаще ходить, вернее, ездить. В Бога — то я и раньше верила! Господи, — покачала головой, — в те-то времена! Узнали бы на работе... Ой, да что там!

Затем, будто самой себе: — Не смогла здесь, и всё тут!

— Надо же! — Филумена огляделась. — Работа в профессорском доме, да в те времена? И что за причина такая, — недоверчиво пожала плечами, — заставила уйти отсюда?

— Причина? — очень тихо переспросила Матрёна. Коротко взглянув в тёмное окно, отвела глаза. Уставившись куда-то вниз, уклончиво проговорила:

— Замену мне нашли! Слишком я, по их мнению, любопытной была! А давай-ка, спать, Фимочка, поздно уж!

Как-то странно огляделась вокруг, словно кого-то искала. Или ждала. Филумена, почувствовав неловкость, встала. На всякий случай, спросила:

— Вам постелить на софе, в гостиной? Там более-менее проветрено и сухо, или в комнате дочери?

Матрёна поднялась, вцепилась в икону и почти, заикаясь, проговорила:

— Только не в гостиной! Прошу, тебя! В одной комнате заночуем или я, прямо вот так — домой! К себе!

— Да что с вами такое? Успокойтесь! — не выдержала Филумена, глядя в лицо не на шутку испуганной женщине. Неожиданно стало жаль гостью с её разыгравшимся воображением. Вздохнула: — Как скажите! — Про себя подумала: «Ничего себе! На больную что-то не похожа, эта Матрёна Яковлевна! Здесь ей, видите ли, страшно, а ночью, через лес? Не страшно! Не боится! Глупость какая-то!»).

Глубокой ночью Филумена услышала какой-то звук где-то за стеной. Знакомый, но не свойственный... Поняла. Скрип половиц. В их доме половицы отсутствуют. Пол в гостиной — паркет, в других — плиты под мрамор. Покосилась на соседнюю кровать. Матрёна мирно сопела, и, скорее всего, видела десятый сон.

«Вот так оно и бывает! — обиженно подумала Филумена. Прогнав остатки сна, поднялась. — Одни всяких небылиц наслушаются и не спят! Другие..., — ещё раз, выразительно взглянула на спящую Матрёну. Затем подошла к окну. Сплошная, глухая темнота окутала широкий двор. Филумена вернулась, снова легла. Повернувшись набок, поджала ноги. И тут услышала.

Тихий шум над головой. Шаги. Мягко, очень осторожно ступали в будущей комнате дочери. Ещё раз, отчётливо. Не показалось. Филумена нащупала фонарик, перед сном, на всякий случай, предусмотрительно поставив его рядом, у изголовья. Прислушалась. Шаги повторились. Вскочила, набросив кардиган, включила фонарь. Босиком прошла вглубь первого этажа, к лестнице, что вела на второй. Погасила свет фонаря. На ощупь, держась за перила, тихо поднялась. Дверь в будущую комнату дочери была распахнута. Окно плотно закрыто. Тихо. Никого. — Эй! — позвала. — Есть тут кто? Учтите, у меня ружьё! Буду стрелять! — Филумена, шурясь, всматривалась в темноту. Нахмутив лоб, испытывая страшно недовольство, повернула назад, в душе проклиная вчерашнюю болтовню с новой знакомой. Кстати, Матрена так конкретно ничего такого, особенного, не рассказала. Филумена обошла дом, посветив фонариком, проверила замки на других входных дверях. Замки как замки. Вроде всё в порядке, не взломаны.

Видели бы подруги и знакомые Филумену в эту минуту. Уверенная в себе женщина, точно знающая, чего хочет от жизни, планирующая всё наперёд, раздающая дельные советы направо и налево. Что с ней? Она стоит в середине просторной гостиной глубокой ночью босая,

растерянная, напуганная. И это в собственном доме! Представила ухмылки, язвительные комментарии своих знакомых. Повеселились бы от души! А Машка с Иваном? Насильно отправили бы куда-нибудь отдохнуть, хорошо, если не лечиться.

«Ты ещё о привидениях вспомни, мнительная ты, наша!», — направляясь в спальню, подтрунивала над собой. Тёмные окна гостиной, казалось, с укором смотрели ей вслед.

Все входные двери дома одновременно хлопали. Закрывались — открывались с бешеной скоростью, — страшно подойти, — захлестнут. Она изо всех сил пыталась проскочить в узкую щель между дверным блоком и дверьми. Напрасно. Дом не хотел впускать её. Только тени. Они вползали во все щели с удивительным проворством. Человеческие тени. Тени незнакомых людей. Даже замки на дверях, беспорядочно лязгая и щёлкая, отбивая странный, незнакомый ритм, не отпугивали их. Сердце бешено колотилось в груди. Она точно знала: в доме остались дочь и муж! Их немедленно надо спасать! Почему? От кого?!

Филумена резко вскочила. Почувствовала: волосы мокрые. Омерзительное ощущение. Одежда, в которой спала, прилипла, будто вторая кожа. Вспомнила. Накануне, по приезду, хотела прогреть все комнаты в доме и забыла отключить отопление.

Бросила взгляд в сторону. Кровать, где спала Матрёна, пустовала.

Направилась в ванную. «И всё же, какое счастье, что всё в её доме исправно работает!». Достала полотенце. Опять же, чтобы всё нужное было под рукой, пришлось поспорить с Иваном. Тогда, в последний приезд. Не успела поднести руку к крану с водой, услышала глухой вскрик. Бросилась в гостиную.

Матрёна Яковлевна, держась за сердце, дрожа всем телом, произнесла:

— Началось!

— Что началось? — Филумена непонимающе, с недоверием смотрела на гостью. Затем, не на шутку рассердилась, прикрикнула: — Да успокойтесь вы, наконец! Объясните толком!

— Не видишь?! — в ответ кивнула куда-то в угол.

Филумена увидела на полу развёрнутые матрацы, на которых во время работы в доме, спали рабочие. Вчера поздно вечером матрацы лежали, завёрнутые в рулон у дальней стены подвала. А теперь. Матрацы были застелены грязными простынями, на которых местами проступали засохшие, бурые пятна. Кровь.

— Что... это? — Филумена непроизвольно схватилась рукой за шею. — Кто?... Принёс? Как они сюда... попали?

— Говорю! Началось! — словно в забытьи, не глядя на неё, обращаясь к кому-то, повторила женщина. Матрёна ещё несколько секунд постояла. Филумене показалось: женщина погрузилась в какие-то свои, только ей ведомые, то ли мысли, то ли ощущения. Затем, словно очнувшись от транса, совсем неожиданно, деловым тоном предложила:

— Идём — ка, Фимочка, завтракать! Поахали и будет! — Заглянув вопросительно хозяйке дома в глаза, спросила: — Испугалась?

— Да уж! — Филумена кивнула. — Слабонервной себя никогда не считала. Но, мягко скажем, как — то неожиданно!

— Да, ну и бог с ним, с этим, — кивнула на матрацы, — этим «чудом»! Переживём и это! Идём! — Позвала на кухню. — Барахло это после приберу! А лучше во дворе сожгу!

Филумена пожала плечами. Слегка, конечно, совсем немного, удивилась столь резкой перемене в своей новой знакомой.

— Всю жизнь трясусь! — заявила Матрёна, вскидывая голову и крепче подвязав платок. — Хватит! Помирать уж скоро! Яичницу на сале, будешь? — Не дожидаясь ответа, решительно вышла из гостиной.

Глава 5

Задумчиво сидя за столом, Филумена неожиданно ощутила запах гари. Подбежала к окну. Так и есть. Матрёна Яковлевна во дворе сжигала то самое «барахло».

— А если за вещами приедут?! — выбежала на улицу Филумена.

— Кто? — с насмешкой переспросила Матрёна.

— Ну, — растерялась вдруг Филумена, — эти самые, рабочие!

— Не переживай, девонька! Никто за ними не приедет никогда! Уж можешь мне поверить! — Казалось, травница, скорее, убеждала больше в этом саму себя, а не Филумену.

Послышался шум подъезжающей машины. Женщины одновременно повернули головы на звук. По гравию, которым был засыпан отрезок дороги, ведущей к их дому — не успели асфальтировать строители, — медленно подъезжал знакомый автомобиль.

Филумена обрадовалась, поспешила навстречу мужу. Обещал к обеду, а тут. Иван, едва хлопнув дверцей, с озабоченным лицом, также бросился к ней.

— Ну, ты как, мать? Что происходит? — обняв её, чуть скривился от дыма. Насмешливо пропел: — А бледна — а — я! Чего так? — И снова: — Что случилось?

Обернулся. Кивнул неизвестной пожилой женщине, что так ловко, по-хозяйски, справлялась с костром. Тихо спросил: — Кто это у нас?

Филумена в ответ, молча, улыбаясь, как только увидела мужа, сразу же, с первой минуты облегчённо вздохнула. Немного успокоилась. Затем представила ему неожиданную и, как ей казалось, немного странную гостью.

Иван заметил, поглядывая на костёр: — Тебя, Меня, ни на минуту нельзя оставить одну! Обязательно что-нибудь придумаешь!

Женщины незаметно, заговорчески обменялись взглядом.

— Ух, ты! — воскликнул Иван, едва ступив на кухню. Втянул воздух и плотоядно глянул на стол. Пространство кухни было заполнено здоровым, забытым духом — ароматом натуральной, деревенской еды. На сковородке заметил остаток яичницы. Яйца, что называется «из-под курицы», к тому же, на настоящем деревенском сале. Красота! Творог и сметана аппетитно белели в мисочках. Янтарно отражаясь в лучах утреннего солнца, с открытой крышкой в середине стола — литровая банка с мёдом.

Иван не удержался. Потёр руки.

— Ну-с! Отведаем! С утра даже маковой росинки! Кофе и тот не успел! Фим! А ты? — Усмехнулся. Стукнул себя по лбу. — Замотался совсем! Там, в багажнике! Набрал всякой всячины. — Обвёл стол рукой. — Ну, рядом с такой благодатью, покупки из супермаркета покажутся сплошной химией и гэмэошной пакостью!

— Ты, давай — ка, Ванюша, ешь! — перебила мужа Филумена. Стала хлопотать, расставила тарелки. Нахмутив лоб, озабоченно спросила:

— Как Машка? По-прежнему злится, обижается?

Иван не ответил. Жадно поглощая содержимое сковородки, едва пережевав, констатировал:

— Ты, я смотрю, совсем освоилась! — Подняв вилку, воскликнул: — А что я говорил? Помнишь? Не соглашалась! Даже бредом называла! Вот так, Фимочка!

Куда-то в сторону кивнул:

— Помощницу уже нашла? Ну, Меня! Деятельная у меня жена! Да что там говорить! Энергичная! Умница, красавица...

— Ой-ой! — скорчив рожицу, перебила в тон, Филумена! — Да не так всё! Не так! — Вздохнула, поднялась из-за стола. — Смотри, Ваня, что нам подарили! — Подошла к иконе.

Дунула на оклад, стряхивая невидимую пыль.

— Извини, я мало, что в иконах понимаю! Но, вижу, — старинная! Красивая!

— Будет висеть в нашей спальне! От нечисти разной!

— Вот этого, что-то раньше в тебе не замечал!

— Что не замечал? — Задумчиво глядя на святой лик, рассеянно переспросила она.

— Да суеверия этого! — Иван встал, достал из пакета банку с кофе. — Скажешь тоже! Современная, деловая женщина! Нечисть! Слово — то, какое! — Хмыкнул. — Кофе будешь? Ерунду спрашиваю, ты же без него не можешь!

Филумена присела за стол. Кофе пили молча, не глядя друг на друга. Со стороны могло показаться: размолвка.

— Что собираешься делать дальше? — участливо спросил Иван, вопросительно глядя на жену. Та неопределённо пожала плечами. Внезапно растянув губы в улыбке, предложила:

— А давай останемся на денёк! Воздух, какой, чувствуешь? — кивнула на стол. — Молоко, творожок! Ну, их, эти дела!

Иван с удовольствием отпил большой глоток кофе.

— А что? Это мысль! За сутки ничего ни у меня, ни у тебя в офисе такого уж страшного не произойдёт.

— Подожди! А Машка? Надо предупредить!

Филумена несколько раз пыталась дозвониться. Возмущённо некоторое время смотрела на панель мобильного, словно видела перед собой лицо дочери. Снова пожала плечами:

— И как это понимать?! Намеренно отключилась?

— Отключилась, отключилась! — словно эхо, с иронией, повторил Иван.

— Будет плохо, тогда, надеюсь, — Филумена тяжело вздохнула, коротко махнула рукой, — ладно, сама позвонит!

Неслышно вошла Матрёна Яковлевна. Иван обернулся, доброжелательно предложил:

— Давайте, с нами! Кофе? Есть великолепный чай! Хотите?

Матрёна потопталась, затем извиняюще, взглянула на Филумену:

— Да, Господь, с вами! Спасибо большое! Поела уж и попила! Идти пора! Скотина не кормлена, а я, — травница усмехнулась, поправила платочек, — словно девка на выданье, по подругам! — махнула рукой. — Загостились уж!

Филумена встала проводить гостью. Иван тоже поднялся.

— Если молочка там, яичек, ну, в общем, жена ваша знает, где живу! Обращайтесь!

Вышли на улицу. У самих ворот, женщина, вдруг, повернула голову и проговорила:

— А строители твои, ремонтники эти, сюда больше не приедут, забудь о них!

Слыша последнюю фразу, эти странные, даже несуразные слова, сказанные на прощанье, Филумена внезапно почувствовала озноб. Внутри всё напряглось. Плечи непроизвольно дёрнулись. Иван, заметив это, вначале положил ей руку на плечо, обняв за талию, слегка прижал к себе.

Хозяева, помахав женщине вслед, уже спустя несколько минут, забыли о её словах.

В течение дня Филумена ни раз пыталась звонить дочери. Напрасно. Тревога временами захлёстывала, словно волна, облизывающая берег, но стоило чем-то заняться, — составить очередной список дел, переделок, покупок, — волна беспокойства на короткое время отступала. И так в течение всего дня.

— Филумена! — услышала радостный голос мужа. Оглянулась. Иван, держа огромную охапку полевых цветов, счастливо улыбался ей. Хотя на душе и кошки скребли, сделав над собой усилие, она воскликнула:

— Красотища, какая! Где нарвал?

— Фимочка, бросай всё, идём, прогуляемся! Туда! — прямо махнул рукой. — К болоту!

— К болоту? — Снова непроизвольно что-то ёкнуло внутри. Ещё раз переспросила: — Ты что? Ты там был?

Иван недоумённо посмотрел на жену.

— Букет, вижу, не очень понравился! — Огорчённо добавил: — Смотри, как хочешь!

— Да нет, что ты! Только не обижайся, прошу тебя! А? Ванюш! Хорошо, идём на твоё болото!

Он снова, более пристально взглянул жене в глаза.

— Тебя что-то пугает, или настораживает! Я прав? Ну, Филя! Выбрось ты всё из головы! Машка взрослая, никуда не денется! Работа? Она тоже — не волк! Ну — у-у! Улыбнись! Компьютер ты мой, дорогой!

Глубокой ночью Филумена снова услышала в комнате дочери осторожные шаги над головой. Шёпотом чертыхнулась, затем выдохнула: — Опять!

— Ты тоже слышала? — раздался тихий голос Ивана из темноты.

— Так! Мне надоело! — Филумена, решительно откинув одеяло, встала. Иван поднялся вслед за ней.

— Не по — о — н — я — я — л! — протянул он. — Ты это о чём, мать?

— Прошлой ночью, — прошептала в темноте, — там, наверху, тоже кто-то ходил! В Машкиной комнате!

Луна открыто, беззастенчиво заглядывая в окно, наполняла комнату призрачным светом. Даже в нём Филумена увидела выражение лица мужа. Тот смотрел недоверчиво. С испугом. За неё.

— Ты уверена, что слышала шаги прошлой ночью? Может, приснилось? Знаешь, на новом месте...

— Ну, знаешь! — возмутилась Филумена. — Слышала! Отчётливо! Именно в этой комнате. — Филумена указательным пальцем ткнула вверх.

— Слушай, Фим! Вы, случайно, — вдруг хмыкнул Иван, — не самогоном деревенским новоселье-то обмывали?

— Да ну тебя! — Филумена потянулась к фонарику.

И тут шаги повторились более настойчиво, затем неясные шорохи.

— Слышал?! — Филумена широко открыла глаза.

— Фонарик не зажигай! — уже серьёзно приказал Иван. — Дай сюда! — протянул руку. — Не геройствуй! Сейчас мы узнаем, — Иван уже

взялся за ручку двери. — Слушай! А может это твоя Матрёна порядок наводит?

— Здравствуйте! — вознегодовала Филумена. Кивнула головой и присела на край постели. — Где моя, как ты выразился, Матрёна, а где...

Что-то грохнуло за стеной. Оба замерли.

— Ой, мама! — Филумена прижала руку ко рту. — А вдруг там целая банда?! Кто её, эту чёртову территорию охраняет? Никто, ведь! Хозяева всех соседних домов, как пить дать, охрану наняли! Здесь каждый за себя! А мы?

— Разберёмся! — бодро воскликнул Иван. — Давай, только без паники!

Филумена бросилась искать мобильный: — Всё! Я звоню в полицию!

— Пока твоя полиция приедет, — Иван не договорил. Вверху снова послышались шаги.

Иван, не раздумывая, открыл дверь.

— Я с тобой! — жалобно прошептала Филумена.

— Только тихо! — Осторожно приоткрыв дверь, вышли из спальни. И тут оба услышали звуки, раздавшиеся со стороны кухни. Остановились. Замерли. Потом Филумена, взяв мужа за рукав, потянула по направлению кухни. Не включая фонарик, на цыпочках двинули туда. Мягкий свет луны заливал кухню. Вдруг чья-то тень мелькнула на фоне не занавешенного окна.

Иван напряжённо всматривался во тьму, озаряемую зыбким, голубоватым лунным светом — он причудливым образом размывал очертания предметов, не давая сосредоточиться ни на одном из них. Филумена, задержав дыхание, напряжённо следила за действиями мужа. Внезапно, — Иван был у противоположной стены, — кто-то коснулся её плеча. От испуга она закричала во весь голос. И тут услышала крик в унисон. Показалось, что... Неожиданно вспыхнул свет.

— Господи! Машка! — Рывкнул Иван. Присев на стул, чуть успокоился, затем раздражённо:

— Ну, и как ты сюда попала?

— На такси приехала! Привет, мамуль! — Бросилась к матери. — Дома-то, никакой еды, да и вообще...

— Зубы не заговаривай! — строго продолжал отец. Затем вкрадчиво: — А прошлой ночью, позволь тебя спросить, где ты была? А? — Поймав возмущённый взгляд Филумены, — мать не хотел расстраивать, а то...

— Класс! — воскликнула Филумена, слегка оттолкнув дочь. — Или как там у вас? Супер?! Вау?! — Бухнулась на стул. Гневно глядя на мужа: — И ты молчал?!

— Я не одна приехала, — будто ничего не слыша, ответила дочь. — Со мной гости!

— Представьте себе, да! Вася из нашего потока и Аллочка, его невеста, моя новая подруга, недавно перевелась из другого города! Ну, мам! — обняла её. — Ну, хватит вам! Ну, правда! Есть хочется!

— Не сердитесь, а? Ты же классный чел, мамуль! Ну, простите меня!

— Ты, почему не отвечала на звонки, ответь! — Филумена изо всех сил старалась не показать виду, как рада видеть дочь, как не терпится крепко обнять, приласкать дорогое существо, как она счастлива, видеть их в эту минуту здесь и сейчас!

— Сутки не отвечала! — подхватил Иван. — Батарейки сели?

— Дайте поесть, родственники! — уже широко улыбаясь, ничего не объясняя, проворковала Маша. — Не жалко единственного ребёнка?

Филумена нахмурилась.

— А вчера? Ты не заезжала сюда со своей компанией вчера? — Глухим голосом спросила, закашлялась. — Хотя, да, глупость спросила. — Встала, налила в стакан воды. — Это я так. — Снова задумчиво, словно самой себе тихо проговорила: — Странно! А как проверить?

Муж и дочь, одновременно повернув головы, недоуменно взглянули на неё. Снова послышался

шорох, затем шаги. Жмурясь от света, в дверях показались высокий молодой человек и девушка. Миниатюрная, с густыми пепельно-голубыми волосами до пояса, ростом почти вполовину ниже спутника, напоминала девочку из сказки. Филумена невольно улыбнулась: Мальвина.

— Вот! Прилетели на свет! — засмеялся парень, обняв девушку. — Словно мотыльки!

— А-а! — Воскликнула Маша. — Знакомьтесь! Это мои друзья. Василий и Аллочка! Мы тут подумали и решили остаться: подышать, покупаться!

Снова прижимаясь к матери, обняв её, Маша заявила: — Голодные, как волки!

— Да уж, — подхватил Василий, — порцию чего-нибудь захомячить не мешало бы!

Филумена засуетилась, стала разбирать пакеты. Иван мягко выхватил покупки из рук жены. — Люди они, — кивнул в сторону компании, — взрослые, самостоятельные! Сами, если ты успела заметить, выбирают, как жить, отдыхать, где ночевать! А посему, надеюсь, разберутся и с этим! Без прислуги! Сами! Без нас! А мы — на покой, поздно уже!

Филумена подчинилась. Денёк выдался ещё тот. Немного поколебалась, — может остаться, — потому как, выходя из кухни, поймала на себе недовольный взгляд дочери. Сдержалась. Всё же,

Иван прав. Нечего потакать. Пора отдохнуть, а заодно, попытаться разобраться в том, что произошло вчерашней ночью.

Глава 6

Остаток ночи Филумена напряжённо прислушивалась к каждому звуку и шороху. Вот, наконец, вся компания поднялась наверх, в комнату дочери. Музыка не включили. И то, слава богу. Где-то в глубине дома, вернее, на другом его конце послышался скрежет. Казалось, кто-то осторожно пытается открыть ту самую, третью входную дверь. Чуть какая-то! «Воображение-то как разыгралось! — недовольно подумала. — Ох, доиграюсь! А кстати! — в голове что-то встрепенулось. — А не слишком ли часто в последнее время я недовольна собой? С чего бы это? Откуда это самоедство, критика? Всё ведь, не так уж и плохо, в принципе! Не так плохо! Жилось бы легче, если бы не так сильно любила Ивана, да Машку! — перевернулась набок. — Так далеко зайти можно! Пора на этом ставить жирную точку!». Окно блекло осветилось. Едва забрезжил рассвет, веки стали слипаться, всё же сон подкараулил её. «Пасмурно, наверное, будет дождь», — последнее, что пронеслось в голове.

Филумена провалилась в тёплую, уютную перину забыться.

Проснувшись от весёлого гогота и свиста за окном. Впечатление такое, будто футбольный матч или, бог весть, какие соревнования проходят прямо возле окон спальни. Открыв окно, с недовольной миной высунулась наружу. — Ой, мама! — радостно закричала дочь, — выходи скорее! Смотри, что Васька вытворяет! — тыча пальцем куда-то в небо. Рядом стояла Аллочка и восторженно наблюдала, глядя куда-то наверх.

— О, Господи! — не выдержала Филумена. — Что там ещё случилось? Да за что мне всё это?

Выходя из дома, возмущённо подумала: мало мне своих забот, теперь ещё за чужих детей отвечать!

Подняв голову, увидела Васю на крыше. От неожиданности Филумену едва удар не хватил.

— Не может без этого даже здесь! — улыбаясь, нежно проговорила Аллочка.

— Руфер он, как говорится, и в Африке, вернее, — громко смеясь, вторила подруге Маша, — в Нижне — Зброшенске, — руфер!

Держа в руках бинокль, Вася, словно живой флюгер, бесстрашно передвигался по крыше, всматриваясь куда-то вдаль. Филумена растерянно

огляделась вокруг. Иван, как всегда в такие минуты, куда-то исчезал.

— Не переживайте! — снова произнесла Аллочка. — Вася опытный руфер. — Помахала рукой. — Спускайся уж! Васенька!

Филумена, сложив руки на груди, недоумённо: — Как он забрался туда? Ни я, ни муж понятия не имеем, как попасть на, — не успела договорить, Вася показался в дверях.

— Собираетесь здесь жить, а не знаете, — осёкся. Аллочка осуждающе взглянула на него.

— Идёмте! Покажу! — Повернулся спиной, взмахом руки вовлекая всех внутрь.

— Во-первых, дети, — остудив порыв однокурсников дочери, обратилась к ним Филумена, — доброе утро! Во-вторых! — Строго взглянула. — Василий! А если бы сорвался?! Тогда...

— Мам! Тебе же сказали, Вася — опытный руфер. Все крыши в городе облазил! — вставила дочь. В ответ Филумена недовольно покосилась на неё:

— Кстати, объясните, что такое руфер?

Компания хмыкнула. Аллочка, словно куколка в коротеньком платье с питоновым принтом, отделилась и ближе подошла к Филумене. Смущённо опустила длинные ресницы. Извиняющимся, тонким голосом произнесла:

— Сейчас это очень модно во всём мире! Руффер — это человек, любитель ходить по самым разным крышам, чтобы рассмотреть свой или любой другой город каждый раз с другого ракурса! Ну, понимаете, это как, своего рода, тот же — наркотик...

— А-а! Вот оно что! — иронично воскликнула Филумена. — Недостаток адреналина? Ну, хорошо! — кивнула головой. — Но, это же очень опасно, можно и калекой остаться!

Аллочка, соглашаясь, кивнула в ответ. Пожав узкими плечиками, промолчала.

Радостно улыбаясь, с огромным букетом полевых цветов, неожиданно появился Иван. Вручая цветы жене, с улыбкой проговорил:

— Всё же, мы были правы, Филя! — с удовольствием осмотрелся. — Места зде-е — е — сь!

— Никак на болоте гулял, потомок рода Баскервилей? — шутливо спросила она.

Иван, не отвечая на иронию жены, ни к кому не обращаясь, произнёс, живо потирая руки: — Ну, что! Публика! К завтраку готовы?

«Публика», а точнее, трое молодых людей, шутливо подняв руки в пионерском приветствии, радостно заверещали:

— Всегда готовы!

Филумене застыла. Чем кормить такую ораву? Всё, что осталось с вечера, явно недостаточно. Уже на кухне Иван удивлённо спросил:

— Зачем закрывать все двери в доме днём? А? Филя? Хотел сделать тебе сюрприз, — кивнул на букет, — поставить в вазу! Накрыть стол! Всё, как ты любишь! Но! Прошмыгнуть незамеченным, представь, не удалось! Ты хотела знать, откуда я? — без перехода, — представь, не только на болоте, но и на речке был!

— Мирке?

— О! Не знал! — тихо повторил: — Мирка! — вскинул голову, — а вода! Представляешь! Чистая, чистая! С трудом верится! Это в наше-то время! Вот не думал, что где-то сохранились столь первозданные места!

— Подожди, Ванюш, — перебила Филумена, доставая всю еду, что была на кухне и, раскладывая на столе, — о каких дверях идёт речь? Что я там закрыла? Не пойму тебя, извини! Проснулась сегодня поздновато, каюсь! На ночь-то мы всё запираем!

— Согласен! Но я-то вышел через ту самую дверь! А ты, дорогая, кстати, очень крепко спала в это время! Да! Ну, Филь! Забыла? Так ближе, она выходит прямо в лес. Ты иногда бываешь так рассеянна! А ну, идём!

Филумена удостоила мужа лишь ироничным взглядом.

— Ванюш! Запертые двери? Какие-то глупости! Хочешь убедиться? — Помедлила. — А завтрак? Ладно, уж, — согласилась, наконец, — идём, Фома неверующий!

Длинный просторный коридор вёл в противоположную сторону дома — ту самую часть, что больше всего понравилась Филумене в первый приезд. «Антикварная». Тогда, непроизвольно дала название этой старинной части постройки. Третья входная дверь располагалась и почти была не видна в чёрном сумраке антикварной стороне дома.

Иван подошёл первым, взялся за ручку.

— Что я говорил! — пытался открыть. — Да что за...

Муж не видел, как побледнела Филумена, подойдя ближе. Дверь не просто была заперта, — сразу не заметишь. Тонкая цепь опоясывала несколько раз ручку двери. По периметру её были забиты гвозди, — по ним продолжала свой путь тонкая цепь.

— И что всё это значит? Филя! Можешь объяснить? — Иван удивлённо, несколько секунд смотрел на неё. Затем возмущённо: — Кажется, я знаю, чья работа? Сейчас я этим деткам устрою! Развлечения ищут?! О'кей!

Бросился назад. — Пстой, Ваня! — тихо позвала Филумена. — Не заводись, думаю, это не они! Хотела тебе кое-что рассказать, да как-то...

— Знаешь, милая, это дело принципа! Не заступайся! Детки, эти самые, далеко пойдут, если не поставишь на место! Тем более, старики скоро приедут! Н-е-е-т! — помотав головой, снова возмущённо протянул, — я с этим покончу!

— Да погоди же! Идём! Ты присядешь и спокойно выслушаешь меня!

— Пить хочу, извини! — Оба направились на кухню. Филумена заварила крепкий душистый чай. Поставив перед мужем на стол красивую вместительную чашку, рассказала о вчерашнем дне, вернее о том, что произошло в доме до приезда мужа. И почему Матрёна устроила костёр. Иван внимательно слушал, делая мелкие глотки, но, тем не менее, недоверчиво поглядывал на жену.

Наконец, решительно отодвинув чашку, пристально, словно изучая, взглянул Филумене в глаза. Взял её руку, поцеловал тонкие пальцы.

— Я — идиот, Фимочка! Эгоист! Все эти заботы: переезд, покупки! В общем, всё, легло на твои плечи! Я не думал, честно, что это так вымотает тебя! То, что тебе наплела Матрёна, — бредни! Натура ты, Фимочка, впечатлительная! Ты просто устала! Прости! В конце концов, это мои

проблемы, и мои родственники! — досадно мотнул головой. — Чёрт бы их побрал!

Филумена не ошиблась: именно такую реакцию ожидала от мужа и, всё же, не обиделась, ласково проговорила: — Ну-ну! Прекрати! — Затем подалась вперёд, приблизив к нему лицо. — Ванюш! Ты же со мной! Здесь! И Машка! Всё будет хорошо!

Иван прикоснулся губами к кончику её носа. — Щекотно! — засмеялась. — Сл — у — у-у-шай! — Встрепенулась Филумена. — Какой сегодня день? Они вот-вот приедут! А мы? У нас ничегошеньки не готово!

— Не переживай! Я всё предусмотрел. Завтра после обеда привезут мебель, коробки и всякую всячину! Ты удивлена? — Улыбнулся. — Скучать, а тем более думать о всяком таком, — неопределённо pokrutil пальцами в воздухе, — не придётся! За провизией можно ехать прямо сейчас, а сами пообедаем где-нибудь в кафе! Нет, ни где-нибудь, — быстро возразил самому себе, — а в том самом, любимом, нашем с тобой кафе! Сто лет там не были.

От Ивана не ускользнуло: вместо радостного выражения, тень пробежала по лицу Филумены.

— Ну, что опять? — С вздохом добавил: — Что-то не так?

— А дети? Оставим одних в доме? — беспокойно спросила она.

Иван не выдержал, уже с облегчением, громко рассмеялся. Сквозь смех произнёс:

— Да, милая! Оставим деточек на растерзание привидениям!

Филумена с грустью, окончательно поняла: муж не верит ей, и всё, что произошло странного в их доме, по-прежнему списывает на чьи-то глупые шутки. Хорошо, если бы так. Но один, совсем маленький вопрос, всё же, беспокоил. Интересно, кто он, этот фигляр, шутник балаганный?

Оснований для беспокойства пока не было. Можно подождать. Забыть на какой-то миг о «шутках», или сделать вид. Наконец, потеряв дистанцию между собой и всеми этими странностями, сфокусироваться на главном, текущем, а именно, — переезде. Там видно будет!

— Заедем домой, за личными вещами, кое-что заберём! — хмурясь, предложила Филумена.

— Идёт! Всё, что скажешь, милая! Только улыбнись! Ну! — смеясь, ответил Иван.

Направляясь к машине, услышали в спину:

— Куда это вы? Мамуль? А завтрак?

Возмущённый голос дочери не подействовал на отца. Не оборачиваясь, Иван громко произнёс:

— Всё, что на кухне, в вашем распоряжении! Рулите сами, деточки!

Твёрдо, взяв Филумены под руку, прошептал: — Не оборачивайся!

Садясь в машину, Филумена покосилась в сторону компании. Недоумение выражали лица Васи и Мальвины. Так с Иваном за глаза они прозвали Аллочку. Маша была по-настоящему расстроена. Затем Вася неожиданно улыбнулся и развязно произнёс, глядя в их сторону:

— Ну и скатертью дорога! Это же классно, девчонки! Суперовский завтрак закатим! У меня кое-что припасено на этот случай! Что именно? Сюрприз!

Филумену смутил тон молодого человека. Вот уж не ожидала столь наглой бесцеремонности. Нескромность, показалось даже, — скрытая враждебность Василия поставили в тупик, вызвали глубокое разочарование. Она едва сдержалась, чтобы не выскочить из автомобиля и остаться: устроить разборки. Но так случилось, — машина резко тронулась с места.

Глава 7

Следующий день выдался беспокойным, суетливым, но приятным. Филумена с мужем, дождавшись приезда машины, перевозившей новую мебель, принялись за работу. Рьяная помощь дочери, её друзей окончательно стёрла из памяти

грубую реплику Василия накануне, и вообще, в душе её неожиданно вновь вспыхнула надежда и ожидание чего-то нового, необычного. Приподнятое настроение не покидало и на следующий день. Оставались кое-какие мелочи: расставить посуду на кухне, разложить кое — какие вещи по комнатам. Филумена не ожидала: Аллочка, хотя и ровесница её дочери, оказалась девушкой деловитой, хозяйственной и решительной, давая направо и налево советы даже Филумене. Хозяйка дома нисколько не обиделась. Куколка, по прозвищу Мальвина, оказалась человеком весьма самостоятельным. Со знанием дела помогла расставить всё по своим местам в комнате будущих пожилых родственников мужа.

Внешность девушки — Филумена убедилась окончательно — сплошной обман.

— Аллочка! Смотри-ка, ну какая умница! Не ожидала! — восхитилась Филумена.

— С дедушкой и бабушкой росла, — отозвалась на похвалу девушка. — К сожалению, родители всю мою жизнь, сколько их помню, всё по командировкам, а потом, когда я поступила на первый курс, разошлись.

— Жаль, конечно! — вздохнула Филумена.

— А мне, как страшно это ни звучит, ни капельки! Для меня дед с бабушкой всегда были и

папой, и мамой! — Затем подошла к двери, оглядев комнату, тоненько проговорила:

— Ну, кажется, всё! Вот только цветов не хватает!

— Боже мой! Девчонки! — Войдя в комнату, воскликнул Иван. — Да вы волшебницы! Из большой, неуютной комнаты сделать такое! — Обошёл. — Красиво, даже элегантно! Думаю, им понравится! Или чего-то не хватает?

— Цветы! Нужны цветы! — подсказала Филумена.

— Кстати, о цветах! Филя, а давай прогуляемся! Подышим!

— На болото, да? — засмеялась Филумена.

— Почему нет? Ты ведь так и не побывала там, вот, заодно, осмотришься! Уверяю, красотища, не пожалеешь!

Они медленно шли друг за другом, пробираясь сквозь заросли на берегу. Смеркалось. Филумена уже жалела, что притащилась сюда, поддавшись уговорам мужа.

Пройдя высокие заросли, наконец, остановились. Раньше ей казалось: болото — это сплошное коварство трясины, сырость и гниение. Дурно пахнущая вода, откуда растут и там же гниют деревья. Остовы их видны повсюду. Но что это? Из ярко-зелёного покрывала неизвестного растения, у самого берега торчат высокие стебли,

украшенные сверху соцветиями — зонтиками. В стоячей воде видно илистое дно. Шорох трав, цокот кузнечиков, цветущие мхи. Над бесчисленными кочками и умершими деревьями выводит трель болотная птица.

— Ванюш! Красиво невероятно! И впрямь, место очаровательное!

Филумена прошла вперёд и поставила ногу на траву. Неожиданно по щиколотку оказалась в воде. Иван подбежал, схватил за руку.

— Думаю, пора возвращаться! Зря мы затеяли прогулку на ночь, глядя!

Филумена подняла голову, взглянула на вечернее небо. Поднялся ветер. Крапивник, чья звонкая песня всего несколько минут назад рассекала необъятное пространство, эту территорию разложения, внезапно умолк. Отчётливо слышался усиленный шелест трав, болотных растений. Их высокие стебли качались над стоячей водой, и, будто в ожидании собственной кончины, тлея от самых корней в гниющей воде, казалось, сообщали, что умирают. Жизнь уходила, не видимая глазу. Постепенно и незаметно. Впрочем, как из всех других существ, населяющих это болото.

По дороге домой, когда выбрались из зарослей, Филумена проговорила:

— Ваня, а ведь это риск! Болота обещали нам реальный риск с самого начала! Могли бы попасть в трясины и тогда... Вот это — адреналин!

— Как ноги? Не заболеешь? — не ответив, переспросил Иван: — При чём здесь адреналин!

Филумена хмыкнула.

— Васю нашего недавно отчитывала, а сама? Кстати, цветов так и не нарвали!

— Давай-ка, прибавим шагу, не ровен час, простудишься!

Почти у самого порога Филумена спросила:

— А тебе известно, Вань, что это болотце искусственное? Да! — не услышав отклика, утвердительно качнула головой. — Матрёна рассказывала!

— Господи, да какая разница? — равнодушно отреагировал Иван. — Поторопись! Ноги надо немедленно попарить! Попробуй мне чихнуть! Весь завтрашний день в постели проведёшь, поняла, Фимочка? — Затем возмутился: — Нет, ну посмотрите на неё! Как ребёнок! — В следующий момент, изобразив страшную гримасу, Иван, шутя, грозно добавил: — А ну, бегом! — Она лишь рассмеялась в ответ, уловив в его голосе собственные властные нотки.

За окном моросил мелкий дождь, извещая о конце лета. Филумена зевнула, потянулась.

Сглотнула. Кажется, пронесло: горло не болело, никакого жара. Симптомов — ноль. И на душе так легко, спокойно.

Улыбнулась. Вот, что значит свежий лесной воздух. Нет, Ваня, всё же, гений! Попробуй она в городе угоди в лужу, — вначале ангина, через сутки она предательски ныряла в бронхи, наконец, температура. А здесь! С удовольствием потянулась, взглянула в окно.

Не услышала, как вошёл Иван с подносом.

— Ну — у, слава тебе, господи! — воскликнул с иронией. — Свежа, бодро! И всё же, давай-ка, милая, чашку молока с мёдом и маслом для профилактики!

Филумена хитро улыбнулась, затем капризно протянула: — А ко — о — фе?

— Будет вам и кофе и «какаво с чаем»! Только позже! А ну-ка! — Погладил по волосам. Встретив весёлый, тёплый взгляд, обнял. — Всё нормально?

— Более чем! — бодро отозвалась Филумена, легонько коснулась щеки. — Спаситель мой грозный! — Затем взяла чашку с молоком, чуть сморщилась, отпила глоток. — Что наша молодёжь? Чем занимается?

— В лес пошли, кажется, за грибами!

— О, боже! — мотнула головой. — Грибники, тоже мне, нашлись!